

Поворот на Восток в арктической политике России

Яна Валерьевна Лексютина,

доктор политических наук, профессор РАН, главный научный
сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, Москва.

E-mail: lexyana@ya.ru

В арктической политике России, и в частности в русле развития международного сотрудничества в интересах освоения Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), поворот на Восток произошёл в 2013 г., когда Москва сняла свои возражения против предоставления статуса наблюдателя в Арктическом совете пяти азиатским странам — Китаю, Индии, Японии, Южной Корее и Сингапуру. Тогда же, с 2013 г., с разной степенью интенсивности стало развиваться сотрудничество России с азиатскими партнёрами в вопросах хозяйственного освоения АЗРФ (с акцентом на разработку ресурсной базы российской Арктики и развитие Северного морского пути). Под российским поворотом на Восток в арктическом сотрудничестве в статье понимается процесс возрастания роли и места азиатских стран в российской стратегии и практике развития международного сотрудничества в арктических вопросах. В фокусе внимания статьи находятся вопросы кооперации сторон в области именно хозяйственного освоения АЗРФ, в то время как вопросы сотрудничества в области науки, охраны окружающей среды и прочие находятся вне исследовательского поля автора. Выделяются факторы, детерминировавшие поворот на Восток в арктической политике России, систематизировано участие пяти азиатских стран в хозяйственном освоении АЗРФ (с 2013 по 2024 г.), а также определено влияние сложившейся после февраля 2022 г. новой геополитической реальности на международное сотрудничество России в вопросах управления Арктикой и освоения АЗРФ.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, Россия, Китай, поворот на Восток, арктическая исключительность, АТР, международное сотрудничество.

The “Turn to the East” in Russia’s Arctic Policy.

Yana Leksyutina, Institute of China and Contemporary Asia, RAS,
Moscow, Russia. E-mail: lexyana@ya.ru.

The “turn to the East” in Russia’s Arctic policy and, in particular, in the development of the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) occurred in 2013, when Moscow withdrew its objections to granting observer status in the Arctic Council to five Asian countries — China, India,

Japan, South Korea and Singapore. It was since 2013, that Russia, with varying degrees of intensity and focus, has begun to develop practical cooperation with Asian partners in matters of economic development of the AZRF (with an emphasis on the development of the resource base of the Russian Arctic and the development of the Northern Sea Route). In the paper, Russia's "turn to the East" in Arctic cooperation is understood as the process of increasing the role and place of Asian countries in the Russian strategy and practice of developing international cooperation in Arctic issues. The paper focuses on issues of cooperation between the parties in the field of economic development of the AZRF, while issues of scientific cooperation, cooperation in the field of environmental protection, etc. are outside the author's research field. The paper highlights the factors that determined the "turn to the East" in Russia's Arctic policy, systematizes the participation of five Asian countries in the economic development of the Arctic Zone of the Russian Federation (from 2013 to 2024), and determines the impact of the new geopolitical reality that emerged after February 2022 on Russia's international cooperation in Arctic governance and the development of the Arctic Zone of the Russian Federation.

Keywords: Arctic, Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), Russia, China, turn to the East, Arctic exceptionalism, Asia-Pacific region, international cooperation.

Среди всех арктических стран Россия обладает самой обширной арктической территорией, с наибольшей численностью проживающего там населения и самым высоким, по сравнению с другими странами, масштабом хозяйственного освоения. Императивом государственной политики Российской Федерации в Арктике всегда выступало сохранение роли ведущей арктической державы, что было закреплено во всех стратегических документах. На протяжении 1990-х гг. и вплоть до 2013 г. Арктика по большей части рассматривалась Москвой в качестве «особой сферы интереса и влияния» арктических стран, и международное взаимодействие, затрагивало ли оно сферу управления Арктикой или практические формы сотрудничества с зарубежными партнёрами в вопросах хозяйственного освоения Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), выстраивалось со странами «арктической пятёрки» или «арктической восьмёрки».

Но примерно в то же самое время, что и в российской внешней политике, в арктической политике страны развитие получил так называемый поворот на Восток, под которым в данной статье понимается процесс возрастания роли и места азиатских стран в российской стратегии и практике развития международного сотрудничества в арктических вопросах. Арктический поворот на Восток имел как свою собственную логику и причины (обусловленные спецификой арктической повестки, о чём будет сказано ниже), так и был движим в своей основе теми же драйверами, которые

стимулировали российский внешнеполитический поворот на Восток. И тот и другой поворот, как представляется, были обусловлены внутренними задачами России, а именно необходимостью придания импульса развитию российского Дальнего Востока и Сибири (в случае внешнеполитического поворота) и Арктической зоны РФ (в случае арктического поворота). В основе обоих поворотов лежало осознание того, что экономическая, финансовая и технологическая мощь неуклонно смещается с Запада на Восток, и достижение задач развития обозначенных регионов России возможно через развитие сотрудничества с азиатскими странами. Т.е. в основе российских поворотов лежали не геополитические факторы, что, например, было характерно для заявленного в 2009 г. американского курса «возвращения в Азию», в определяющей степени мотивированного целью не допустить усиления позиций Китая в АТР, а именно внутренние факторы. В силу географической близости и ряда других обстоятельств развивать Дальний Восток и Сибирь было целесообразно через интенсификацию взаимодействия с близлежащими странами АТР, а в силу капиталоемкости задачи освоения АЗРФ требовалось расширение круга зарубежных партнёров, в том числе за счёт ведущих азиатских стран. В то же время справедливым будет и другое утверждение: геополитические факторы, а именно развитие сначала конфликтности, а с 2022 г. и конфронтационности в отношениях России и Запада, значительно ускорили эти повороты, сделав арктический поворот на Восток к текущему моменту практически безальтернативной опцией России.

В развитии Россией международного сотрудничества в арктических вопросах можно условно выделить три основных периода: до 2013 г., 2013—2022 гг. и после 2022 г. В соответствии с ними строится логика изложения данной статьи. В статье выявляются факторы, обусловившие поворот на Восток в арктической политике России, систематизируется участие пяти азиатских стран (Китая, Индии, Японии, Южной Кореи и Сингапура) в хозяйственном освоении АЗРФ с 2013 по 2024 г., а также определяется влияние сложившейся после февраля 2022 г. новой геополитической реальности на международное сотрудничество России в вопросах управления Арктикой и освоения АЗРФ.

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ДО 2013 г. И «ТРАДИЦИОННЫЕ» ПАРТНЁРЫ

На протяжении длительного времени основным принципом Москвы при выстраивании международного сотрудничества в Арктике была приоритетность развития взаимодействия с арктическими странами, которые условно можно сгруппировать либо в «арктическую пятёрку» обладающих исключительной экономической зоной

и континентальным шельфом в Северном Ледовитом океане стран (это Дания, Канада, Норвегия, Россия и США), либо в «арктическую восьмёрку» имеющих территории за Северным полярным кругом государств (помимо «пятёрки» в группу этих стран входят Исландия, Финляндия и Швеция). Сейчас в российской экспертной литературе, как правило, при описании первой группы используется дефиниция «арктические прибрежные страны», а для второй — «арктические». Для всех остальных стран, помимо указанных восьми, применяются наименования «неарктические», или «вне региональные государства». Некоторые из них (например, Великобритания или Китай) в стремлении повысить свой статус в вопросах арктического сотрудничества самопровозгласили себя «околоарктическими».

В первом российском официальном документе стратегического планирования деятельности в Арктике под названием «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», опубликованном в 2008 г., используется дефиниция «приарктические страны», и в конце документа раскрывается её значение как группы стран, включающих Данию, Канаду, Норвегию, Россию и США, т.е. «арктическую пятёрку» [5]. В этом же документе в контексте развития международного сотрудничества России речь идёт исключительно о двустороннем и многостороннем взаимодействии с указанными четырьмя странами [5, п. 6 е, 7 а, б, в].

И действительно, на протяжении 1990-х гг. и вплоть до 2013 г. Россия в своём международном сотрудничестве в арктических вопросах ориентировалась преимущественно на арктические страны. Впрочем, как и остальные арктические страны. После окончания холодной войны и «блокового» противостояния восемь арктических государств приступили к созданию особой структуры международного сотрудничества в управлении Арктикой, центральную роль в которой занял сформированный в 1996 г. Арктический совет. Последний с момента своего создания играл важную роль в решении общих вопросов между арктическими странами и принятии важных международных соглашений в области управления Арктикой, предоставляя платформу и механизм для консультаций и переговоров между государствами. Членство в Арктическом совете было строго ограничено восемью арктическими странами, но были доступны и иные форматы включения в его работу: формат постоянных участников, предусмотренный для арктических организаций коренных народов, и формат наблюдателя для неарктических стран, заинтересованных в участии в арктических вопросах.

Анализ одобрения статуса наблюдателя — а одобрение Арктическим советом предполагает единогласное согласие всех его членов — проявляет ещё одну особенность подхода России к развитию международного сотрудничества в Арктике, а именно приоритетность не только взаимодействия с арктическими странами,

но и со странами Запада¹. В частности, статус наблюдателя в Арктическом совете в 1998 г. получили Великобритания, Германия, Нидерланды, Польша, в 2000 г. — Франция, в 2006 г. — даже Испания! Азиатские же страны, в том числе такие, как Китай, Япония и Южная Корея, регулярно подававшие заявки на получение статуса наблюдателя с 2008—2009 гг. и имевшие опыт полярных исследований, на протяжении ряда лет получали отказ. И Россия была среди стран — членов совета, выражавших сомнение в одобрении соответствующих заявок.

Такая охранительная позиция России была обусловлена восприятием возросшей активности в данном регионе неарктических стран — и особенно азиатских — как намерения инициировать пересмотр базовых положений международных договоров, регулирующих хозяйственную и иную деятельность в Арктике, и «создать системы национального правового регулирования без учёта таких договоров и региональных форматов сотрудничества», а также воспрепятствовать осуществлению Россией «хозяйственной и иной деятельности в Арктике» [11, п. 8 а, в]. Именно такие формулировки значились в Указе «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» от 2020 г. Азиатские страны, особенно Китай, рассматривались Россией как продвигающие ревизионистскую повестку и желающие расширить роль неарктических стран в управлении Арктикой, пересмотреть её правовой статус или передать Северный морской путь (СМП) под международное регулирование [3, с. 43]. Они резко усилили свою активность в Арктике, и отдельные высказывания² экспертов и официальных лиц этих стран бросали вызов суверенным правам и национальным интересам арктических государств, и в частности России.

Россия отдавала приоритет арктическим и в более широком смысле западным странам не только в вопросах международного сотрудничества в сфере управления Арктикой, но и в вопросах хозяйственного освоения АЗРФ. В силу капиталоемкости освоения АЗРФ и отсутствия в России целого спектра необходимых для осуществления арктических проектов технологий и компетенций, в реализации планов российского руководства по развитию АЗРФ традиционно большое значение имело привлечение зарубежных инвесторов, кредиторов и технологических партнёров. Необходимость в таком сотрудничестве особенно велика в освоении арктических углеводородов и их транспортировке: требуются специальные технологии и оборудование, предназначенные для экстремально низких температур и суровых климатических условий, сервисные услуги при нефте- и газодобыче, транспортировке по Северному морскому пути и пр.

¹ И в этой связи мы можем утверждать именно о повороте на Восток в арктической политике России, а не о повороте к неарктическим странам.

² Такие, как позиционирование Арктики в качестве «глобального достояния» или «наследия всего человечества», идеи интернационализации СМП, самоидентификация Китая как «околоарктического» государства и пр.

До 2013 г. почти все энергетические партнёры России в Арктике были западными компаниями. Представляется, что связано это было с наличием именно у западных компаний самых передовых технологий и сервисных компетенций. Так, в 2005 г. российская «Лукойл» и американская ConocoPhillips создали совместное предприятие «Нарьянмарнефтегаз»³ для разработки углеводородов в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции в Ненецком автономном округе. В 2008 г. компания «Газпром» подписала соглашение с норвежской Statoil и французской Total о разработке Штокмановского месторождения в Баренцевом море. В 2011 г. другая российская государственная компания, «Роснефть», подписала соглашение о стратегическом сотрудничестве с американской ExxonMobil в освоении трёх Восточно-Приновоземельских участков Карского моря⁴. В 2012 г. «Роснефть» подписала ряд соглашений о создании совместных предприятий по освоению арктического шельфа со Statoil (в Баренцевом и Охотском морях) и итальянской ENI (в Баренцевом море). В 2013 г. «Газпром» и британо-голландская Shell подписали меморандум, в котором были изложены принципы сотрудничества в области разведки и разработки углеводородов на российском арктическом шельфе и участке глубоководного шельфа за рубежом.

Редким исключением стало привлечение Японии к российским арктическим проектам. Так, «НОВАТЭК» ещё с самого начала развития проекта «Ямал СПГ», в 2010 г., пригласил японские компании к участию в нём в качестве акционеров и подрядчиков. В роли генерального подрядчика (проектирование, снабжение и строительство) выступило совместное предприятие с участием двух крупнейших инжиниринговых японских компаний JGC Corporation и Chiyoda Corporation, а японская Yokogawa Electric Corporation получила контракт на поставку интегрированных систем управления и безопасности для проекта [4, с. 39]. Вместе с тем в этой связи можно затронуть вопрос принадлежности Японии к группе западных стран. Есть точка зрения, согласно которой Японию, хоть и географически располагающуюся на Востоке, вполне можно отнести именно к группе западных стран, объединённой либерально-демократическими идеалами и союзническими отношениями с США.

В целом о так называемом российском повороте на Восток в контексте арктической повестки можно говорить начиная с 2013 г., свидетельством чего стало снятие Россией возражений в мае 2013 г. против предоставления статуса наблюдателя в Арктическом совете пяти азиатским странам — Китаю, Индии, Японии, Южной Корее и Сингапуру. Частично снять подозрения относительно «скрытых»

³ В 2012 г. «Лукойл» выкупил 30% акций «Нарьянмарнефтегаз» у ConocoPhillips, доведя свою долю до 100%.

⁴ Из-за введённых США после 2014 г. санкций ExxonMobil была вынуждена остановить работы по большинству проектов в рамках соглашения о стратегическом сотрудничестве с «Роснефтью».

намерений этих стран в Арктике помогло признание ими суверенитета и юрисдикции арктических государств в пределах их арктических территорий и существующих международно-правовых рамок (в том числе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.).

ПОВОРОТ НА ВОСТОК НА АРКТИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ: ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ К 2022 г.

В основе произошедшего в 2013 г. российского поворота на Восток в контексте арктической повестки лежал ряд причин и обстоятельств. Во-первых, и у России, и у других арктических стран тогда сформировалось понимание того, что безопаснее кооптировать неарктические государства в Арктический совет и иные многосторонние форматы сотрудничества, чем исключать их из арктического сотрудничества при главенствующей роли арктических держав, тем самым провоцируя эти страны на создание альтернативных площадок обсуждения арктических вопросов. Всплеск интереса к работе Арктического совета со стороны внерегиональных стран, проявившийся в резко возросшем количестве заявок на статус наблюдателя в 2006—2009 гг., побудил членов совета разработать разъясняющие положения и документы. На седьмом заседании министров Арктического совета в Нууке (Гренландия) в 2011 г. были приняты правила, разъясняющие роль и критерии для наблюдателей, а на заседании министров в Кируне в 2013 г. были утверждены обновлённые критерии и требования для наблюдателей (а именно, были пересмотрены «Правила процедуры Арктического совета», или «Arctic Council Rules of Procedure») и принято «Руководство для наблюдателей для вспомогательных органов» («Observer Manual for Subsidiary Bodies»). Окончательная концептуализация роли наблюдателя позволила допустить к участию в работе совета неарктические государства в качестве наблюдателей на встрече министров в Кируне в 2013 г.

Во-вторых, российский поворот на Восток в Арктике во многом был связан с возросшей технологической (равно как и финансовой) мощью азиатских стран. Последние стали рассматриваться как партнёры, способные предоставлять не только финансирование, но и уникальные и востребованные в процессе освоения Арктики технологии. Активизировав усилия по экономическому развитию Арктической зоны, Россия осознала, что ей требуются огромные инвестиции в Арктику и не хватает уникальных технологических ноу-хау для разработки арктических месторождений, и поэтому ей необходимо широкое международное сотрудничество с иностранными инвесторами, включая огромные финансовые вливания и передовые технологии из-за рубежа.

Изменение подхода к развитию международного сотрудничества нашло своё отражение в официальных документах, определяющих

государственную политику России в Арктике. Если в опубликованных в 2008 г. «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года...» в контексте развития международного сотрудничества речь шла исключительно о двустороннем и многостороннем взаимодействии с «приарктическими государствами» (под которыми, помимо России, подразумевались Дания, Канада, Норвегия и США) [5, п. 6 е, 7 а, б, в], то в обновлённом документе 2020 г., помимо стоящей перед Россией задачи «укрепления добрососедских отношений с арктическими государствами», также упоминалось «активное привлечение арктических и вне-региональных государств к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству в АЗРФ» [11, п. 16 а, е].

В-третьих, поворот на Восток в Арктике стал возможен благодаря общему российскому повороту на Восток, акцентировавшему внимание как на реализации задач комплексного развития российского Дальнего Востока и Сибири, так и на активизации взаимодействия со странами АТР. В российской и зарубежной научной литературе существуют разные датировки начала реализации Москвой курса «поворота на Восток», разные оценки содержания, хода и результатов этого процесса. Поскольку данный исследовательский вопрос не является специальным предметом настоящей статьи⁵, представляется уместным лишь обратить внимание на следующие моменты. В контексте анализа официальных документов и практических шагов российского правительства точкой отсчёта в курсе «поворота на Восток» можно считать 2012 г. Именно в декабре 2012 г. в ежегодном послании Федеральному собранию повторно избранный президент РФ В.В. Путин чётко обозначил: «В XXI веке вектор развития России — это развитие на Восток. Сибирь и Дальний Восток — это наш колоссальный потенциал, об этом ещё Ломоносов говорил. И сейчас мы должны это всё реализовывать. Это возможность занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе, самом энергично, динамично развивающемся регионе мира» [7].

В строгом смысле термин «поворот на Восток» в российском официальном дискурсе на уровне президента не использовался, и данный курс официально не провозглашался. Поворот на Восток — это скорее получившее широкое хождение в медийном и экспертном пространстве наименование процесса интенсификации взаимодействия России со странами АТР на первоначальном этапе. Сейчас в контексте поворота на Восток рассматривается и интенсификация взаимодействия России со странами Южной Азии и даже Ближнего Востока. Так, в ежегодном послании Федеральному собранию в декабре 2013 г. В.В. Путин подчеркнул: «Уверен, что *разворот России к Тихому океану* (курсив мой. — Я.Л.), динамичное развитие

⁵ Данный сюжет был детально раскрыт в другой публикации автора: [16, р. 287—298].

всех наших восточных территорий не только откроет нам новые возможности и горизонты в экономике, но и даст дополнительные инструменты для проведения активной внешней политики» [8]. Т.е. на официальном уровне провозглашался не поворот на Восток, а «разворот к Тихому океану».

Наконец, важно отметить и то, что задача развития российского Дальнего Востока как внутреннего измерения поворота на Восток всегда тесно увязывалась российским руководством с задачей развития российской Арктики. Так, в 2012 г. было создано Министерство по развитию Дальнего Востока, в 2019 г. переименованное в Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики и, соответственно, получившее две взаимосвязанные зоны ответственности — Дальневосточный федеральный округ и АЗРФ. В 2014 г. развитие Северного морского пути рассматривалось не только как проект создания транзитного маршрута, связывающего Азию и Европу, но и как инициатива, призванная «стимулировать деловую активность на российском тихоокеанском побережье и освоение арктических территорий» [9].

В целом 2012—2014 гг. ознаменовали прекращение доминирования западных инвесторов в российских арктических проектах. После того как в 2012—2014 гг. Москва сняла неофициальные ограничения на привлечение китайских инвестиций в Россию, к ряду крупных проектов в российской Арктике присоединились китайские компании. Так, в 2013 г. «Роснефть» и китайская CNPC договорились о совместных проектах по разведке нефти на арктическом шельфе Баренцева и Печорского морей. В сентябре 2013 г. «НОВАТЭК» подписала с CNPC контракт на продажу 20% акций «Ямал СПГ» — сверхкрупного проекта по производству СПГ в Арктике. Ранее же, до снятия негласных ограничений, китайские инвесторы сталкивались с различными барьерами, особенно в нефтяных, газовых и других проектах по добыче природных ресурсов, а также в инфраструктурных проектах на российском Дальнем Востоке, Сибири и Арктике.

Санкции США и ЕС, введённые в 2014 г. в отношении энергетического сектора России, включая разведку нефти и газа на арктическом шельфе, открыли новые горизонты для сотрудничества России с азиатскими странами в Арктике. Поскольку антироссийские санкции ограничивали передачу технологий (в частности, для глубокой добычи нефти, разведки и разработки арктического шельфа и запасов сланцевой нефти и газа), Россия была вынуждена искать других партнёров, способных привнести передовые технологии в её проекты, и эти партнёры в основном были найдены в Азии. После введения западных санкций и из-за падения цен на нефть многие ранее запланированные совместные энергетические проекты между российскими и западными компаниями в Арктике были приостановлены и заморожены. «Роснефть» была вынуждена прекратить геологоразведку арктического шельфа и заявила, что не сможет возобновить бурение в Карском море, которое

было запланировано в 2015 г., поскольку её партнёры ExxonMobil и North Atlantic Drilling были обязаны соблюдать введённые против России санкции. «НОВАТЭК», который оказался в санкционном списке США, что означало проблемы с получением кредитов на западных финансовых рынках, столкнулся с временными сложностями с поиском финансирования для своего проекта «Ямал СПГ».

На этом фоне Москва начала активно искать технологических и финансовых партнёров для освоения Арктики. Российские высокопоставленные чиновники постоянно выражали заинтересованность в привлечении азиатских стран к освоению АЗРФ. В 2015 г. министр природных ресурсов и экологии С. Донской выразил поддержку китайскому партнёрству в освоении арктических энергетических ресурсов, если оно принесёт технологии и инвестиции. В ноябре 2015 г. глава «Роснефти» И. Сечин предложил японским компаниям стать технологическими партнёрами в качестве поставщиков судов и оборудования для освоения ресурсов российского шельфа, в том числе Арктики. В июле 2016 г. министр иностранных дел С. Лавров заявил, что китайские инвесторы желанны в Арктике. В сентябре 2016 г. вице-премьер России Д. Рогозин пригласил Индию к участию в российских шельфовых проектах в Арктике. В 2016 г. спецпредставитель по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике А. Чилингаров подчеркнул заинтересованность России в дальнейшем партнёрстве с Сингапуром в Арктике, в частности в сингапурских технологиях буровых платформ для арктического шельфа. В сентябре 2019 г. премьер-министр Индии Н. Моди был приглашён в качестве главного гостя на Восточный экономический форум во Владивостоке, где В. Путин приветствовал участие Индии в проектах «Дальневосточный СПГ» и «Арктик СПГ 2».

К российским арктическим проектам активно подключился Китай. В декабре 2015 г. китайский Фонд Шёлкового пути выкупил ещё 9,9% акций (в дополнение к приобретённым в 2013 г. CNPC 20%) в проекте «Ямал СПГ», от которых отказались японские инвесторы в связи с введением антироссийских санкций 2014 г. Китай также инвестировал в ещё один крупный проект «НОВАТЭКа» — «Арктик СПГ 2». В результате Китай стал крупнейшим иностранным инвестором и кредитором обоих арктических СПГ-проектов: в «Ямал СПГ» китайским инвесторам суммарно принадлежит доля в размере 29,9% (французской Total — 20%, «НОВАТЭК» — контрольные 50,1%); в проекте «Арктик СПГ 2» Китай выкупил 20% акций (Total — 10%, японский консорциум Mitsui&Co и Japan Oil, Gas and Metals National Corporation — 10% акций, «НОВАТЭК» сохранил за собой 60%). Помимо инвестирования, Китай выступил в обоих проектах в роли крупного кредитора и технологического партнёра. Среди иностранных партнёров «НОВАТЭКа» Китай стал ведущим.

Япония из-за введённых после украинского кризиса 2014 г. санкций побоялась выступить инвестором в проекте «Ямал СПГ»,

но продолжила сотрудничество в форме предоставления кредитования под этот проект, и ряд японских компаний выступили в роли его генерального подрядчика, занимаясь проектированием, снабжением и строительством. В 2019 г. опасения Японии в связи с санкциями отошли на второй план, уступив месту заинтересованности японского бизнеса к подключению к российским арктическим СПГ-проектам: японский консорциум Mitsui&Co и Japan Oil, Gas and Metals National Corporation принял решение о приобретении 10-процентной доли в проекте «Арктик СПГ 2».

Южная Корея заняла осторожную выжидательную позицию, рассчитывая подключиться к российским арктическим проектам только тогда, когда сопутствующие им финансовые и политические риски, обусловленные антироссийскими санкциями и напряжённостью в отношениях России и Запада, будут минимальны. «Зона комфорта» страны в контексте арктического сотрудничества с Россией включала развитие научно-исследовательского сотрудничества, технологического партнёрства и выполнение подрядных работ. Южная Корея воздерживалась от прямого финансового участия в российских арктических проектах, но стала ведущим партнёром РФ в области строительства специальных газозовов ледового класса «Arc7». Южнокорейские компании выиграли ряд крупных контрактов на строительство танкеров-газовозов, обойдя в конкурентной борьбе японские, сингапурские и китайские судостроительные верфи: в 2014 г. южнокорейская DSME получила крупный контракт на строительство 15 танкеров-газовозов ледового класса «Arc7» для проекта «Ямал СПГ»; контракты на строительство ещё 6 танкеров «Arc7» для проекта «Арктик СПГ 2» эта же судостроительная компания заключила в 2020 г.; в июне 2020 г. DSME также получила заказ от российской компании «НОВАТЭК» на два плавучих хранилища СПГ. С южнокорейскими компаниями также стала развивать технологическое партнёрство российская судовой верфь «Звезда».

Сингапур за редким исключением воздерживался от прямого финансирования или инвестирования в российские арктические проекты, демонстрируя заинтересованность выступить технологическим партнёром России и выполнять различные подрядные, контрактные работы. В области добычи арктических природных ресурсов интерес для Сингапура как крупного центра нефтепереработки могла представлять добыча нефти в арктических районах, в то время как российские СПГ-проекты были малоинтересны. На этом фоне закономерно заключение сингапурскими компаниями ряда сделок с российскими контрагентами в области добычи арктической нефти: в июле 2017 г. якутская «Туймаада-нефть» и сингапурская Asian Oil&Gas подписали меморандум о разработке Западно-Анабарского лицензионного участка недр в Якутии; в 2020 г. сингапурская Trafigura приобрела 10% акций в российском сверхкрупном проекте «Роснефти» в Арктике — «Восток Ойл».

Участие *Индии* оставалось ограниченным. Индийские компании с 2016 г. работают на Ванкорском нефтегазоконденсатном месторождении (ONGC имеет 26% акций, а консорциум в составе Oil India, Indian Oil Corporation, Bharat Petroresource — 23,9%). Индия выражала готовность выступить в роли инвестора в проекте «Восток Ойл».

Достаточно отчётливо поворот на Восток проявился и в участии азиатских партнёров в грузоперевозках по Северному морскому пути. Транзитные перевозки по СМП с участием зарубежных судоходных компаний были запущены в 2010 г., когда датское судно Nordic Barents осуществило перевозку железной руды из норвежского Киркенеса в китайский порт Ляньюньган. В течение нескольких лет в транзитных перевозках по СМП доминировали судоходные компании из Северной Европы и Греции, в частности, датская Nordic Bulk Carriers, шведская Marinvest и финская Neste Oil Company. Но уже к середине 2010-х гг. на волне антироссийских санкций 2014 г. активность североευропейских компаний значительно снизилась, и почти половина всех международных транзитов по СМП стала приходиться на китайскую COSCO и четверть — на немецкие судоходные компании. В срезе нетранзитного судоходства, до сих пор являющегося преобладающей формой перевозок по СМП, также преобладали европейские компании (преимущественно из Нидерландов и Германии). А после 2014 г. активны стали и судоходные компании Японии (Mitsui OSK Lines) и Китая (COSCO).

ПОДХОД РОССИИ К АРКТИЧЕСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

После того как в феврале 2022 г. Россия начала СВО на Украине, а США с ЕС инициировали масштабные антироссийские санкции, многие западные компании (и не только западные, но и компании из стран, в той или иной форме присоединившихся к санкциям или опасавшихся попадания под «вторичные» санкции), такие как ExxonMobil, Trafigura, BP, норвежская Equinor, вышли из совместных с Россией проектов освоения арктических углеводородов. Кроме того, многие западные нефтесервисные компании, такие как американские Baker Hughes, Halliburton и Schlumberger, прекратили свою деятельность в России. Поставки западного высокотехнологического оборудования для нефте- и газодобычи были прекращены. Южнокорейская DSME расторгла контракт на строительство танкеров-газовозов ледового класса «Arc7» под проект «Арктик СПГ 2». Западные судоходные компании ушли с маршрутов СМП. Из России ушли компании Van Oord, Boscalis, Jan De Nul, Deme, обеспечивавшие более 98% дноуглубительных работ в российских портах.

Более того, после начала Россией СВО на Украине в 2022 г. страны Запада не только инициировали многочисленные санкции,

существенно затруднившие участие иностранных компаний и инвесторов в российских арктических проектах, но и пошли на «саботаж» арктического сотрудничества с Россией в многосторонних форматах. Семь из восьми арктических государств — членов Арктического совета намеренно парализовали работу совета в период председательства России в нём (вплоть до мая 2023 г., когда председательство перешло от России к Норвегии), выпустив в начале марта 2022 г. совместное заявление об отказе направлять своих представителей на заседания, проходящие на территории России, и о временном прекращении их участия во всех встречах в рамках совета и его вспомогательных органов [15]. 8 марта 2022 г. ЕС, Исландия и Норвегия заявили о приостановке всей деятельности «Северного измерения» с участием России и Беларуси [6]. Работа Совета Баренцева/Евроарктического региона ввиду позиции западных стран также была парализована с марта 2022 г. А отказ Финляндии, являвшейся тогда председателем совета, передать России ротационное руководство в октябре 2023 г. привёл к решению Москвы в сентябре 2023 г. о выходе России из Совета Баренцева/Евроарктического региона [2].

Такое развитие событий сильно контрастировало с ситуацией после украинского кризиса 2014 г., когда, несмотря на резкое осложнение отношений России с Западом, встречные санкции и прекращение многих крупных совместных проектов, сохранялся взаимный интерес к сотрудничеству в вопросах управления Арктикой. По мнению целого ряда экспертов, в 2022 г. пришёл конец так называемой «арктической исключительности» — периоду стабильности и сотрудничества в арктических отношениях, заданному мурманской речью М. Горбачёва в 1987 г., когда совместная работа в Арктике в целом оставалась независимой от геополитической конкуренции великих держав. Так, даже после кризиса 2014 г. члены Арктического совета поддерживали рабочие отношения, сотрудничество продолжалось в различных региональных организациях. Некоторые совместные военные учения между странами НАТО и Россией были отменены, но традиция «арктической исключительности» продолжалась, и ситуация в Арктическом регионе в целом соответствовала известному выражению «Высокий (крайний) Север, низкая напряжённость» (High North, low tension) [13].

Наращение конфронтационности в отношениях России и стран Запада после февраля 2022 г. и складывание новой геополитической реальности, нашедшей своё отражение и в Арктическом регионе, способствовали серьёзному сдвигу в позиции России в вопросах международного арктического сотрудничества. В феврале 2023 г. был подписан Указ президента РФ «О внесении изменений в Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года...». В нём формулировка пункта 16 а в части «укрепление добрососедских отношений с арктическими

государствами на двусторонней основе и в рамках многосторонних региональных форматов сотрудничества, в том числе Арктического совета, прибрежной арктической „пятёрки“ и Совета Баренцева/Евроарктического региона...» была заменена на «развитие отношений с иностранными государствами на двусторонней основе, в рамках соответствующих многосторонних структур и механизмов» [12]. Т.е. из основного документа стратегического планирования деятельности России в Арктике было убрано упоминание Арктического совета, прибрежной арктической „пятёрки“ и Совета Баренцева/Евроарктического региона, а в международном сотрудничестве акцент был перенесён со взаимодействия с арктическими странами на сотрудничество с широким кругом иностранных государств. Китайские эксперты, в частности, интерпретировали такое изменение формулировки как свидетельство отказа России от её первоначальной позиции по международному сотрудничеству, отдававшей приоритет сотрудничеству с арктическими странами [17].

Положения опубликованной в марте 2023 г. новой редакции Концепции внешней политики РФ позволяют говорить даже о том, что арктические страны в новой геополитической реальности стали рассматриваться как угроза России и её интересам в Арктике. Так, подпункт 2 пункта 50 концепции обозначает следующий приоритет России: «нейтрализация курса недружественных государств на милитаризацию региона и ограничение возможностей России для реализации её суверенных прав в АЗРФ» [10]. Заданное событиями февраля 2022 г. расширение НАТО за счёт включения в него Финляндии (апрель 2023 г.) и Швеции (март 2024 г.) создало ситуацию, когда все семь арктических стран (за исключением России) стали членами враждебного России военно-политического альянса НАТО.

Процесс милитаризации в Арктическом регионе резко ускорился. Арктические стратегии различных стран последовательно поставили военную безопасность в центр арктических дел и усилили наращивание военного потенциала в регионе в качестве важного направления своей активности, семь западных арктических стран ясно дали понять, что они увеличат свои военные расходы в Арктике [18, с. 67]. В целях всестороннего сдерживания России, НАТО усилила своё политическое планирование в арктических делах и военное присутствие в Арктике. Генеральный секретарь организации Й. Столтенберг заявил, что НАТО также является «Арктическим альянсом», Арктика имеет решающее значение для обеспечения коллективной безопасности стран — членов НАТО, а военная деятельность России в Арктике и китайско-российское арктическое сотрудничество представляют собой «стратегический вызов» для всего НАТО [14].

В обновлённой Концепции внешней политики России к приоритетам страны было отнесено «налаживание взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, проводящими

конструктивную политику в отношении России и заинтересованными в осуществлении международной деятельности в Арктике» [10]. Таким образом, как следует из официальных российских документов, «старые» (или традиционные) механизмы арктического сотрудничества России, такие как «арктическая пятёрка», «арктическая восьмёрка», Арктический совет и Совет Баренцева/Евроарктического региона утратили для Москвы свою значимость. Перед ней встала задача построения новой сети сотрудничества, ориентированного на себя и основанного на двусторонних формах арктического сотрудничества с перспективой развития многосторонних форматов с неарктическими странами, сохраняющими дружественный в отношении России внешнеполитический курс. Так, в ходе прошедшего в начале декабря 2022 г. в Санкт-Петербурге XII Международного форума «Арктика: настоящее и будущее» посол по особым поручениям МИД России, председатель Комитета старших должностных лиц Арктического совета Н. Корчунов отметил, что «сложившаяся ситуация требует от нас перегруппировки, перехода к задействованию более широкого спектра методов и форматов международного взаимодействия с теми странами и организациями, которые разделяют наши подходы к устойчивому развитию региона <...> Мы видим растущий интерес к Арктике и сотрудничеству в высоких широтах со стороны стран — членов БРИКС, ШОС, Латинской Америки, ближневосточного региона, стран Азиатско-Тихоокеанского региона» [1]. Как следует из многочисленных выступлений официальных лиц, наиболее перспективными партнёрами для развития и углубления арктического взаимодействия российским политическим кругам видятся Китай и Индия, многообещающим партнёром оценивается Бразилия, есть интерес к привлечению к сотрудничеству ближневосточных стран, а в многостороннем формате — использованию механизмов БРИКС, ШОС и АСЕАН.

* * *

Таким образом, изучение подхода России к участию неарктических (включая азиатские) стран в вопросах управления Арктикой, наиболее отчётливо проявившегося в принятии решения об их допуске в Арктический совет в качестве наблюдателей, а также в официальных российских стратегических документах, в сочетании с анализом практических аспектов сотрудничества России с зарубежными партнёрами в вопросах хозяйственного освоения АЗРФ позволяет датировать начало российского поворота на Восток в арктическом сотрудничестве 2013 г. Российский поворот на Восток, начавшийся ввиду признания безальтернативности кооптации неарктических стран в дела управления Арктикой на фоне оформившихся в России масштабных планов развития АЗРФ, требовавших огромных финансовых вложений и самых передовых

технологий, и связанный с осознанием возросшей финансовой и главное — технологической мощи азиатских стран, значительно ускорился под влиянием внешних факторов, а именно усиливающегося с 2014 г. санкционного давления со стороны стран Запада.

После февраля 2022 г. сотрудничество Москвы со странами «арктической семёрки» в арктических вопросах стало практически невозможным, прежде всего, ввиду позиции этих стран, принявших решение перенести вопросы геополитической конфронтации и на Арктический регион. В связи с этим Россия была вынуждена реагировать на действия США, Канады и соответствующих европейских стран по разъединению Арктики и фрагментации механизма по управлению регионом и искать новые форматы и партнёрства для арктического сотрудничества. Инициированные США и ЕС после 2022 г. масштабные антироссийские санкции и курс «арктической семёрки» на саботирование участия России в вопросах управления Арктикой не просто ускорили поворот на Восток в арктической стратегии России, но сделали его единственно возможной опцией с учётом накопленных отдельными азиатскими странами «полярных» компетенций. Россия стала отдавать приоритет развитию многосубъектной (а не ограниченной узким кругом арктических стран) политики международного сотрудничества в Арктическом регионе и укреплению взаимодействия с более широким кругом государств. Особое значение в развитии арктического сотрудничества придаётся дружественным России Китаю и Индии как государствам — наблюдателям Арктического совета и странам, имеющим большой опыт арктических исследований, а в случае Китая — обладающим ещё и значительными финансовыми ресурсами и стремительно приумножающим свои технологические возможности, необходимые для освоения арктических пространств. Интерес в России вызывает и Бразилия, проявляющая свою возрастающую активность в Арктике и известная своим передовым опытом в области океанической науки и технологий, технологий добычи полезных ископаемых на шельфе и экологически чистых технологий. Перспективными партнёрами Москвы для развития арктического сотрудничества в контексте поворота на Восток может быть и более широкий спектр стран, включающий Малайзию, Индонезию и страны Ближнего Востока, но не ограниченный ими. Если раньше Москва с осторожностью относилась к подключению неарктических стран к арктической повестке, то в современных условиях возрастающая роль этих государств, включая азиатские, в арктической системе международных отношений только приветствуется. В новой геополитической реальности Россия уделяет больше внимания важности Арктического региона для реализации задач своего социально-экономического развития и национальной безопасности (что нашло отражение в том числе в обновлённой Концепции внешней политики, где Арктике было отведено второе

место в перечне региональных приоритетов России), меняет традиционных партнёров и методы международного сотрудничества в Арктике, совершенствует инфраструктурное строительство и активизирует усилия по развитию Северного морского пути, задумывается о развитии новых многосторонних механизмов сотрудничества в Арктике (БРИКС и ШОС), а также укрепляет свои позиции в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. XII Международный форум «Арктика: настоящее и будущее». 13 декабря 2022 г. URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1843447/ (дата обращения: 01.09.2024).
2. Заявление МИД РФ о выходе России из Совета Баренцева/Евроарктического региона. 18 сентября 2023 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1904899/ (дата обращения: 07.09.2024).
3. Конышев В., Сергунин А. Стратегии стран Восточной Азии в Арктике // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 35—48.
4. Лексютина Я.В. Сотрудничество России со странами Северо-Восточной Азии в вопросах хозяйственного освоения Арктики // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 33—48. DOI: 10.31857/S013128120013932-6.
5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. 18 сентября 2008 г. URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения: 09.09.2024).
6. Политика «Северное измерение»: совместное заявление ЕС, Исландии и Норвегии о приостановке деятельности с участием России и Беларуси. 8 марта 2022 г. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/политика-«северное-измерение»-совместное-заявление-европейского-союза-исландии-и-норвегии-о_ru (дата обращения: 10.09.2024).
7. Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699/page/1> (дата обращения: 01.09.2024).
8. Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057/page/1> (дата обращения: 01.09.2024).
9. Послание Президента Российской Федерации от 04.12.2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443/page/1> (дата обращения: 01.09.2024).
10. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 31 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 01.09.2024).
11. Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения: 09.09.2024).
12. Указ Президента РФ от 21 февраля 2023 г. № 112 «О внесении изменений в Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утверждённые Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406318505/?ysclid=m0y77pkjgt823242811> (дата обращения: 01.09.2024).
13. Bykova A. NATO Has Always Been an Arctic Alliance (Part II). June 11, 2024. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/nato-arctic-alliance-part-ii/> (дата обращения: 13.09.2024).

14. Joint Press Conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Prime Minister of Canada, Justin Trudeau. August 26, 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_206908.htm (дата обращения: 11.09.2024).
15. Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. March 3, 2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 11.09.2024).
16. Leksyutina Ya.V. Russia's Turn to the East // *The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies* / ed. by M. Lagutina, N. Tsvetkova, A. Sergunin. 1st ed. London: Routledge, 2023. P. 287—298. DOI: 10.4324/9781003257264.
17. 刘刚. 2018年以来俄罗斯智库对中国参与北极事务的认知及所提出的对策= Лю Ган. Понимание российскими аналитическими центрами участия Китая в арктических делах с 2018 г. и предлагаемые ими контрмеры // *情报杂志*. 2024. № 4. С. 60—67.
18. 赵宁宁, 张杨晗. 俄乌冲突背景下俄罗斯北极政策的调整、动因及影响 = Чжао Ниннин, Чжан Янхань. Корректировка, мотивация и влияние арктической политики России в контексте российско-украинского конфликта // *边界与海洋研究*. 2023. Т. 8. № 5. С. 58—70.

REFERENCES

1. XII *Mezhdunarodnyy forum «Arktika: nastoyashchee i budushchee»*. [The 12th International Forum "The Arctic: Present and Future"]. December 13, 2022. Available at: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1843447/ (accessed 01.09.2024). (In Russ.)
2. *Zayavlenie MID RF o vykhode Rossii iz Soveta Barentseva/Evroarkticheskogo regiona* [Statement by the Russian Ministry of Foreign Affairs on Russia's Withdrawal from the Barents Euro-Arctic Council]. September 18, 2023. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1904899/ (accessed 07.09.2024). (In Russ.)
3. Konyshchev V., Sergunin A. Strategii stran Vostochnoy Azii v Arktike [Strategies of East Asian Countries in the Arctic]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2012, no. 6, pp. 35—48. (In Russ.)
4. Leksyutina Ya.V. Sotrudnichestvo Rossii so stranami Severo-Vostochnoy Azii v voprosakh khozyaystvennogo osvoeniya Arktiki [Russia's Cooperation with Northeast Asian Countries in the Commercial Development of the Arctic]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2021, no. 1, pp. 33—48. DOI: 10.31857/S013128120013932-6. (In Russ.)
5. *Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dal'neyshuyu perspektivu* [Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2020 and Beyond]. September 18, 2008. Available at: <http://government.ru/info/18359/> (accessed 09.09.2024). (In Russ.)
6. *Politika «Severnoe izmerenie»: sovmestnoe zayavlenie ES, Islandii i Norveгии o priostanovke deyatel'nosti s uchastiem Rossii i Belarusi* [Northern Dimension Policy: Joint Statement by the EU, Iceland and Norway on Suspension of Activities Involving Russia and Belarus]. March 8, 2022. Available at: <https://www.eeas.europa.eu/eeas/политика-«северное-измерение»-совместное-заявление-европейского-союза-исландии-и-норвегии-о-ru> (accessed 10.09.2024). (In Russ.)

7. *Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12.12.2012 g.* [Message from the President of the Russian Federation Dated 12.12.2012]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699/page/1> (accessed 01.09.2024). (In Russ.)
8. *Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12.12.2013 g.* [Message from the President of the Russian Federation Dated 12.12.2013]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057/page/1> (accessed 01.09.2024). (In Russ.)
9. *Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 04.12.2014 g.* [Message from the President of the Russian Federation Dated 04.12.2014]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443/page/1> (accessed 01.09.2024). (In Russ.)
10. *Ukaz ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [Decree on Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation]. March 31, 2023. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (accessed 01.09.2024). (In Russ.)
11. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 05.03.2020 g. № 164 «Ob Osnovakh gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v Arktike na period do 2035 goda»* [Decree of the President of the Russian Federation of March 3, 2020, No. 164 “On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (accessed 09.09.2024). (In Russ.)
12. *Ukaz Prezidenta RF ot 21 fevralya 2023 g. № 112 «O vnesenii izmeneniy v Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v Arktike na period do 2035 goda, utverzhdennye Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 5 marta 2020 g. № 164»* [Decree of the President of the Russian Federation of February 21, 2023, No. 112 “On Amendments to the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035, Approved by Decree of the President of the Russian Federation of March 5, 2020, No. 164”]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406318505/?ysclid=m0y77pkjgt823242811> (accessed 01.09.2024). (In Russ.)
13. Bykova A. *NATO Has Always Been an Arctic Alliance (Part II)*. June 11, 2024. Available at: <https://www.thearcticinstitute.org/nato-arctic-alliance-part-ii/> (accessed 13.09.2024). (In Eng.)
14. *Joint Press Conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Prime Minister of Canada, Justin Trudeau*. August 26, 2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_206908.htm (accessed 11.09.2024). (In Eng.)
15. *Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine*. March 3, 2022. Available at: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (accessed 11.09.2024). (In Eng.)
16. Leksyutina Ya.V. Russia's Turn to the East. *The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies*. Ed. by M. Lagutina, N. Tsvetkova, A. Sergunin. 1st ed. London, Routledge Publ., 2023, pp. 287—298. DOI: 10.4324/9781003257264. (In Eng.)
17. 刘刚. 2018年以来俄罗斯智库对中国参与北极事务的认知及所提出的对策 [Liu Gang. Russian Think Tanks Have Recognized China's Participation in Arctic Affairs and Proposed Countermeasures Since 2018]. *情报杂志*, 2024, no. 4, pp. 60—67. (In Chin.)
18. 赵宁宁, 张杨晗. 俄乌冲突背景下俄罗斯北极政策的调整、动因及影响 [Zhao Ningning, Zhang Yanghan. Adjustment, Motivation and Impact of Russia's Arctic Policy in the Context of the Russian-Ukrainian Conflict]. *边界与海洋研究*, 2023, vol. 8, no. 5, pp. 58—70. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 17.09.2024